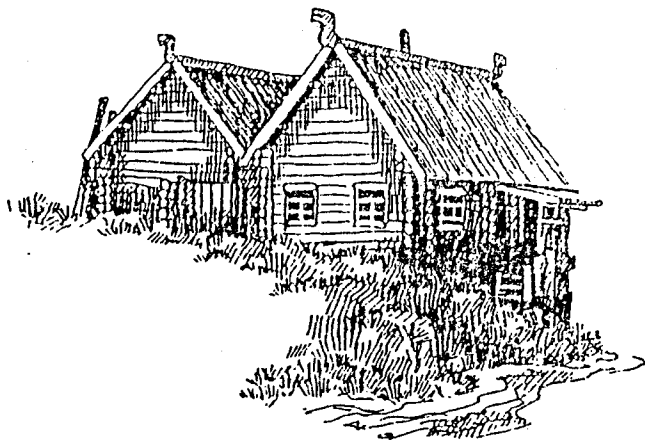

ПЕРМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Г.Н. ЧАГИН

ЯЗЫЧЕСКИЕ
ПЕРМЯКИ

ПЕРМЬ • 1993

ПЕРМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Г. И. ЧАТВИ

*ЯЗЫКОВЫЕ ПЕРМЯКИ
история и традиции*

Пермь 1993

Всем известно, что Пермское Прикамье - край многонациональный. Но зачастую мы не знаем не то что языка или обычаев своих соседей, но даже не подозреваем о существовании рядом с нами многих народов. Сегодня мы сетуем на национальные проблемы. Да, они многообразны и сложны. Но не становится ли их частой причиной всего лишь небрежность, невнимание и неуважение к людям иной национальности? Хотя бы рассказать о существовании народов, населяющих Пермскую область, ставит своей задачей Пермский областной творческий центр, начиная издание этих брошюр. Предлагаемая вашему вниманию работа - первая из них.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3
История изучения.....	4
Формирование, расселение, численность.....	5
Язык и этническое самосознание.....	7
Быт и материальная культура.....	10
Верования.....	12
Обряды и праздники.....	13
Легенды, предания, сказки, песни.....	16
Примечания.....	24
Список иллюстраций.....	25

К ЧИТАТЕЛЯМ

Пермский север, край между реками Камой, Колвой и Бишерой - земля удивительной истории и культуры. Ее истоки отделены от сегодняшнего дня тысячелетиями. В XVI-XVII веках эта земля входила в Пермь Великую. Коренное население - пермяне, пермяки, пермичи (предки коми-пермяков) и русские, переселившиеся из Северо-Двинского бассейна, были вовлечены во многие события Русского государства, связанные с освоением и обороной уральских и сибирских территорий.

Основная часть коренного населения получила в 1925 году государственность - был создан Коми-Пермяцкий автономный округ. С его образованием жители официально стали называть себя не пермяками, а коми-пермяками. Две обособившиеся группы пермяков остались за пределами округа. Одна из них в верховьях Камы (Афанасьевский район Кировской области) известна как зюльдинские пермяки, другая - в верховьях Язьвы (Красновишерский и Соликамский районы Пермской области) - язьвинские пермяки. Последние официальные переписи записывают жителей обеих групп русскими. Однако при первом же знакомстве с ними убеждаешься, что таковыми они себя не считают и что язык родной не забыли. В настоящей работе мы расскажем о язьвинских

Безмякка, а польза везиные документы, публикации, рассказы старожилов, личные коллекции и впечатления от личных встреч и наблюдении.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Интерес к язьвинским пермякам исследователи проявляли давно. Впервые о проживании на Язьве населения, говорящего на не русском языке, упомянул в 1804 г. Н. С. Попов в научном исследовании "Хозяйственное описание Пермской губернии" (1), отметив, что здесь "Язык российский еще не имеет права гражданства". С тех пор язьвинские жители неоднократно привлекали внимание ученых.

Первые исследования язьвинского диалекта были осуществлены в 1889 г. финским профессором Арвидом Генетцом. Пробыв несколько недель в д. Паршаковой, он зафиксировал фонетические особенности местного языка, составил словарь говора из 1,5 тысяч слов, таблицы склонения и спряжения и результаты исследования опубликовал в статье "Восточно-пермский язык" на финском и немецком языках в 1897 году в Берлине.

В 1909-1910 годы историю возникновения и современное состояние поселений на Язьве изучал известный краевед и географ, выходец из коми-пермяцкого народа И. Я. Кривошеков. Результаты этих исследований опубликованы в 1914 году (2).

В 1947 году здесь побывала видный этнограф, исследователь финно-угорских народов В. Н. Белицер. Особенности расселения, хозяйства, жилища, одежды, обычаев и обрядов нашли свое место в солидной книге "Очерки по этнографии народов коми: XIX - начало XX века" (3), а также в других крупных работах по этнографии народов мира. В. Н. Белицер удалось запечатлеть в фотографиях многие уникальные предметы культуры и быта - в 1940-е годы они оставались еще реальной действительностью.

В 1949-1953 годы четыре поездки к язьвинским пермякам совершил профессор В. И. Лыткин - финно-угровед с мировым именем. Их результатом стала книга "Коми-язьвинский диалект" (4), основную часть которой занимает грамматика язьвинского диалекта, словарь говора из 4469 слов и выражений, тексты рассказов, сказок, загадок, песен. Здесь же опубликован созданный Лыткиным язьвинский алфавит. С 1972 года письменную и устную культуру язьвинских пермяков изучают экспедиции Московского университета под руководством И. В. Поздеевой, в ходе которых выявлены и взяты на учет редкие книги и рукописи, установлены имена книжников. Эту же работу частично проводили в 1982 и 1988 год археографы Уральского университета (г. Екатеринбург). Диалектные особенности родного

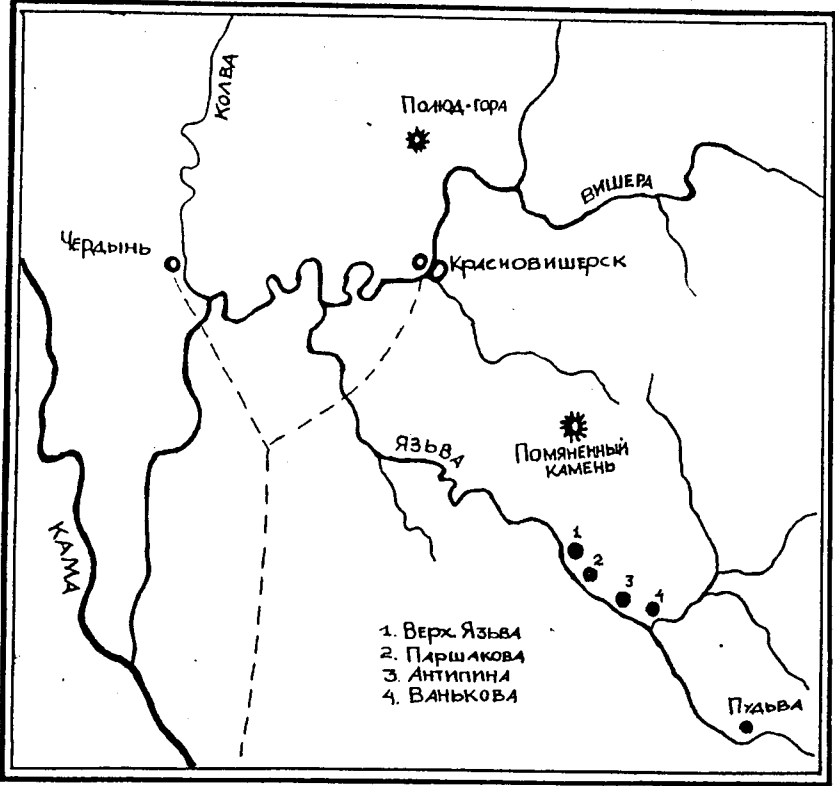
и русского языков и их взаимосвязь с вероисповеданием населения исследовала Е. М. Сморгунова (Московский Университет). С этими материалами она выступала на российских и международных конференциях; основные ее наблюдения можно прочесть в обстоятельной статье "Старообрядцы Верхней Язвы: особая языковая ситуация" (5). Этнографические исследования язвинцев, которые под руководством Г. Н. Чагина ведет Пермский университет, являются составной частью республиканской научно-исследовательской программы "Народы России: возрождение и развитие". Результатам этих работ посвящена пока только краткая информация (6).

ФОРМИРОВАНИЕ, РАССЕЛЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ

В наши дни язвинские пермяки проживают на своей исторически сложившейся территории вдоль течения р. Язвы. От райцентра (г. Красновишерска) она лежит на расстоянии 40 км. Однако еще в 1950-е годы эта территория была значительно шире. На родном языке здесь говорило взрослое население во всех деревнях округи села Верхняя Язва и деревень Верхняя и Нижняя Бычина. В наши дни родным языком лучше всего владеют жители самого отдаленного вверх по Язве Антипинского сельсовета численностью более тысячи человек.

Письменные источники, устные рассказы, географические названия, фамилии жителей позволяют говорить о трех древних очагах формирования язвинских пермяков. Первый - деревни Верхняя и Нижняя Бычина, второй - село Верх-Язва и деревня Кичигино, третий - деревни Арефина, Паршакова и Антипина. Первопоселенцы этих мест носили прозвища Быч, Кичиг, Паршак, Антипа, от которых пошли самые распространенные здесь фамилии. Из этих центров шло расселение пермяков во вновь осваиваемые земли. История образования некоторых деревень еще сегодня жива в памяти людей. Например, в деревне Егоровой обязательно расскажут, что первым поселился приехавший из д. Антипиной Егор Амосович Антипин. Его внуки - Евдокия и Февгуса продолжают жить здесь, они всегда охотно рассказывают о прожитых годах.

Родословная д. Пудьва, судя по ревизским сказкам, началась со Степана Ивановича Паршакова 1801 года рождения. Он приехал сюда с отцом из д. Паршаковой и пустил прочные корни. Всех потомков Степана нынешние жители Пудьвы помнят поименно, так как

сами являются продолжателями Паршаковского рода.

В писцовой книге 1579 года по Язьве названы 2 деревни и 1 починок (7). Через 44 года число их увеличилось до 10, и дворов в них насчитывалось 70. В 1710 году при передаче пермских земель в Сибирскую губернию в Верх-Язьвинском стане был свой погост Верх-Язьва с деревянной церковью Рождества Христова, 4 деревни, 3 починок, в 49 дворах которых проживало 670 мужчин и женщин. По первой переписи Российской империи 1897 года Верх-Язьвинская волость объединяла 54 населенных пункта с населением 3843 человека. Перепись 1926 года отметила 3163 "пермяка по языку".

В начале 1950-х годов В. И. Лыткин насчитал около 3600 человек, свободно говоривших на пермяцком языке, что составляло 75% населения всей верхней Язьвы. К тому времени сохранялись все 54 населенных пункта, существовавшие в конце XIX века. Однако, начиная с конца 1940-х годов, начался активный процесс перехода на русский язык и выселения ряда пермяков во

Вновь образованные поселки леспромхозов и алмазодобытчиков. По нашим подсчетам сегодня остается около 2 тысяч язьвинских пермяков, говорящих на родном языке, как в местах прежнего проживания, так и в новой среде - поселках Северный Колчим, Цепел, Красный Берег, Сим и городах Красновишерске и Соликамске.

ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Когда жителям верх-язьвинских деревень задаешь вопрос: "Кто вы - русские или коми-пермяки? Как называете себя?", то чаще всего слышишь такой ответ: "Нет, мы не русские и не коми-пермяки. Коми-пермяки живут в Кудымкаре, наш разговор с ними не сходится. Мы просто пермяки. Но нас записывают русскими". В д. Антипиной А. С. Антипина, 1925 года рождения, на этот вопрос ответила так: "Пишемся теперь русскими, говорим чужим людям, что мы русские. Но мы не русские и не коми-пермяки. Язык у нас свой, пермяцкий, и считаем себя пермяками".

Язьвинские пермяки являются потомками древнего коми населения, проживавшего издавна в районе уездного города Чердыни. Под воздействием активного заселения Перми Великой русскими уже к середине XVII века они покидают эти земли. Та часть, которая ушла на верхнюю Язвю в предгорья Урала, сохранила наиболее древние черты в языке, обычаях, верованиях, которые у коми-пермяков, живущих в автономном округе, уже не известны.

Язьвинцы сохранили древнее самоназвание - "пёрмяк", которое коренным населением автономного округа тоже утрачено. Соседи-русские называют язьвинцев также пермяками. Название же "язьвинцы" дано по реке и им пользуются только исследователи, но самим народом оно не используется.

В. И. Лыткин, изучавший язьвинцев в пору активного функционирования родного языка, пришел к следующему выводу: "Звуковая система коми-язьвинского диалекта значительно отличается от звуковой системы древних коми диалектов - как коми-зырянских, так и коми-пермяцких. Если в морфологическом и лексическом отношении коми-язьвинский диалект имеет большую близость к коми-пермяцким говорам, чем к коми-зырянским, то этого нельзя сказать про фонетику коми-язьвинского диалекта. Здесь мы имеем дело со специфической системой фонем, в одинаковой степени отличающихся от фонетической системы коми-зырянского и коми-пермяцкого наречий. Эта специфика звуковой системы коми-язьвинского диалекта определяется, в основном, вокализмом, а именно: а) наличием особых гласных, отсутствующих в других коми-диалектах; б) специфическими особенностями произношения некоторых фонем; в) наличием ряда специфических фонетических за-

кономерностей в области гласных; Г) особой, чрезвычайно оригинальной системой ударения. Именно эта специфичность фонетики речевой системы коми-язьвинцев заставляет нас этот диалект (или, точнее, диалектную группу) выделить в особое наречие, противопоставляя его коми-зырянскому и коми-пермяцкому наречиям" (5). Это наречие А. Генетц назвал восточно-пермским, а Б. И. Лыткин - коми-язьвинским (а не коми-пермяцким).

Наличие важнейших факторов - языка, самосознания, самоназвания, компактной исторической территории проживания позволяет говорить о сохранении в наши дни не просто обособленной этнической группы коми-пермяков, как принято в исторической литературе, а одного из самостоятельных коми народов.

Интересно освоение язьвинскими пермяками русского языка и взаимоотношение его с родным. Судя по всему, в настоящее время позиция русского языка как разговорного намного выше и прочнее. С ним знакомятся с детства, с его помощью овладевают знаниями в школе, им пользуются в церковной службе и во всех других жизненных ситуациях. У язьвинцев налицо билингвизм - знание двух языков - родного и русского. Но при этом разговорный русский язык в значительной степени отличается от диалекта соседнего русского населения. Специфика его в первую очередь объясняется особенностью родного языка. В русскую речь часто вставляются пермяцкие слова. Например, входя в дом, можно услышать такую фразу: "Проходите в ен угол, садитесь на кома." "Ен" - по-пермяцки "Бог" и этим словом называют передний угол с иконами. "Кома" - лавка. Кроме того, очень часто в русской речи слышны фонетические особенности язьвинского диалекта. Чаще всего звук "х" местные жители заменяют звуком "к". Люди старшего возраста до сих пор произносят хлеб - клѣб, хорошо - корошо. Иногда звук "ф" в начале слова заменяют звуком "к" (фуфайка - куфайка) и звуком "п" (фамилия - памилия).

Распространению на Язьве русского языка способствовали разные обстоятельства. Пермяки, проживавшие по нижнему течению Язьвы, раньше соприкоснулись с русскими крестьянами, отсюда чаще уходили в отхожие промыслы. Поэтому старожилы этих мест (из деревень Бычина, Гилева, Ивачина, Немзя) сегодня не считают себя пермяками, ими забыт родной язык. Но о былой принадлежности населения здесь говорит многое: жители пользуются старыми названиями полей, урочищ, речек и произносят их в пермяцком варианте; в народной памяти проявляются черты старого быта, сохраняются предания об основателях родовых поселений, не исчез прежний фамильный состав во всех деревнях.

В верховьях Язьвы русская разговорная речь усваивалась от рабочих, прибывавших в XIX-XX веках на лесозаготовки. И. Я. Кривошекову в 1910 году жители д. Ваниной рассказывали, что "их обрусил камбарцы (завод Осинского уезда Пермской губернии), нанимаемые лесопромышленниками для сгонки лесов по р. Язьве и ее притокам. Толпы камбарцев, состоящие из сотен лиц, все и вся высеивали в бытовом укладе верх-язьвинцев, их старообрядчество, костюм, язык и т. д. Скрывая все родное, ванинцы

взамен этого стали подражать комбарцам во всем... " (9). Но жители д. Ваниной, освоив русский язык достаточно хорошо, свои обычаи и самосознание не утратили.

Особую роль в переходе язьвинских пермяков на русскую разговорную речь сыграла старообрядческая вега, принятая в конце XVIII века. В дальней д. Пудьва находились главные скиты старообрядцев-беглопоповцев, где учили церковно-славянскому языку и книжности. Родители из многих язьвинских деревень отдавали детей, которые за зиму успевали изучить Псалтырь, письмо, правила церковной службы и певческое искусство. В некоторых деревнях еще проживают люди, которые в 1920-е годы учились в Пудьвинских скитах. Они с большим уважением вспоминают своих учителей.

В отличие от поселении по среднему и нижнему течению Язьвы русский язык в верхне-язьвинских деревнях приживался медленно, так как места здесь глухие, и жители вовлечены были не в господствующее православие, а в старообрядчество. Так что жив еще сегодня родной язык в Антипинском сельсовете (выше по р. Язьва от с. Верх-Язьва). Здесь почти невозможно встретить человека, не знающего хотя бы несколько слов пермяцкого языка. Сегодня родным языком свободно владеют люди старшего возраста, в том числе и те, кто родился в 1930-е годы. Полнее он звучит в рассказах о местном быте. Многим этот язык необходим для секретного общения. Дети пермяцкий язык знают плохо, а некоторые его и не понимают. Есть семьи, особенно среди служащих, в которых преднамеренно стараются не говорить с детьми на родном языке. Объясняют это тем, что родной язык бесписьменный, в школе не изучается и нигде не пригодится. Люди же пожилого возраста на наш вопрос: "Знаете ли свой язык?" уверенно отвечают: "Пошто же мы его забудем, он ведь наш родной. Мы детям наказываем не забывать его".

В 1930-е годы предпринимались попытки введения в школах верхней Язьвы изучения родного языка. В д. Антипиной до сих пор помнят учителя А. К. Мелехина, два года обучавшего язьвинских детей. Говорят, поначалу он учил по букварю, привезенному из автономного округа, откуда учитель был родом. Но когда понял, что язык детей отличается от коми-пермяцкого, составил свой букварь на местном наречии. В годы войны А. К. Мелехин погиб на фронте, и начатое им дело никто не продолжил.

Если у язьвинцев возникает потребность написать что-либо на родном языке, они пользуются русскими буквами, ведь составленный профессором В. И. Лыткиным алфавит никто не знает.

По утверждению старожиллов пермяцкий язык осваивали раньше и русские. Примеров этому достаточно много. Старая жительница Пудьвы В. П. Паршакова рассказывала, что девушки, взятые пудьвинскими парнями в жены из русских деревень Низовая, Полон, Костарево, через полгода свободно говорили по-пермяцки. Еще в 1930-е годы все учили пермяцкий язык, так как разговаривали только на нем.

В наше время процесс переориентации язьвинцев с род-

ного языка на русский активно продолжается. В условиях тесного соседства с другими народами и отсутствия государственного признания их пермяками, у язынцев до сих пор сохраняется двойственность: они отличают свой язык от коми-пермяцкого и свой русский от русского соседнего населения. До тех пор, пока такая ситуация будет сохраняться, следует считать пермяков верхней языки самостоятельным народом.

БЫТ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Язынские деревни группируются в гнезда (Антипина, Паршакова, Арчина, Талавол, Нижнее и Верхнее Заполье; Банькова, Симонова, Егорова; Макарова, Семина, Панова, Федотова). Крупные деревни образовались путем слияния близко расположенных починков. Так, к центральной части д. Антипиной примыкают четыре конца: Ипатова, Миронова, Нефедова и Карьело. Первые три конца названы по именам первооселенцев, а четвертый - по характеру местности (словом "карьело" в местном языке называют высокие места).

Обязательная принадлежность поселений - поля. Названия их доносят формы и звуки живой местной речи: Юиволадор - ночная северная сторона, где солнца не бывает; Ассоволадор - утренняя восточная сторона, где солнце восходит; Лунволадор - дневная, южная сторона, где солнце теплое светит; Ротволадор - вечерняя западная сторона, где солнце садится.

Во всех деревнях усадьбы строились одного вида. Жилая часть состояла из двух изб с сенями по середине. Параллельно с жилищем вплотную ставились двухъярусный двор с бревенчатым въездом на повесть - второй ярус, предназначенный для хранения сена и инвентаря. Жилище и двор закрывались отдельными двухскатными крышами. На длинной стороне жилища, обращенной на солнечную сторону, находилось крыльцо на столбах.

Прежде крыши строений строили без гвоздей. В наши дни на охлупнях и крюках, поддерживающих желоба-потоки, в редких случаях сохранились резные украшения, которым придавали форму зверей и птиц. Во второй половине XX века стали распространяться крыши на стропилах. Выразительность некоторым крыльцам до сих пор придают арочные проемы.

Интерьер дома оформлялся в северных традициях: передний угол и русская печь на одной оси по диагонали, полати над входом, пристенные лавки, полки над окнами.

Основными средствами передвижения являлись сани-дровни, волокуши, вырезанные из стволов елей с корневищами, долбленые лодки. Было принято ездить верхом на лошади, запряженной в сани или волоки. Женщины до сих пор вспоминают, что им приходи-

лось ездить венчаться верхом на лошадях.

Традиционный костюм язьвинцев бытовал еще в 1930-1940-е годы. Пожилые женщины носили синие и набивные косоклинные дубасы, а молодые - цветные, прямого покроя сарафаны. Девушки предпочитали новую моду - юбку и кофту. В эти же годы на Язвье еще можно было увидеть женщину в кокошнике (коллекция таких кокошников хранится в Чердынском краеведческом музее). Для них характерно полукруглое очелье с острыми концами. Кокошники на лицевой стороне украшались речным жемчугом, перламутром, бисером, фольгой, золотым шитьем, позднее стеклянным и пуговицами, мишурой. Сохранившиеся кокошники изготовлены в середине XIX века. Однако орнамент очелий (передней части) намного древнее, так как известно, что его берегли и переносили со старого кокошника на новый. К сожалению, содержание узоров язьвинских изделий остается не изученным. Поверх кокошника надевался платок. По отзывам очевидцев, женщина в кокошнике олицетворяла Богородицу. Казалось, что она наделялась силами природы - солнца, Земли. Долго сохранялась традиция, по которой новобрачные женщины до рождения первого ребенка носили кокошник с налобной принизкой - полоской холста, украшенной бисером, спускающимся на лоб. Девушки носили налобную ленту, которую называли "лопшанкой" и "хаас". Сзади ленту соборивали в "хвостик".

Мужской костюм состоял из колшевых штанов и пестрой рубахи-косоворотки. На голове носили валяные колпаки. Верхний костюм длительное время включал суконные понитки, шубы, колшевые шабуры - кафтаны, на работу обязательно надевали глухие запоны (рабочая одежда) с рукавами.

Обязательной частью костюма являлись пояса. В язьвинских деревнях было развито очень многообразное искусство узорных тельников, покроев, кушаков. К сожалению, в музеях поясов представлено немного.

В 1950-1960-е годы традиционный костюм у язьвинских пермяков из повседневного употребления вышел. Но он не забыт и кое-что из него еще бытует. В старообрядческом храме при мерцании свечей и блеске убранства так и веет стариной, когда видишь молящихся в старинных одеяниях. По-прежнему на моления женщины и девушки приходят в цветных сарафанах с поясами, цветных платках, а мужчины и молодые парни - в рубахах-косоворотках с тельниками и кафтанах.

Сарафаны, головные уборы и пояса являлись важной частью свадебного обряда. Накануне свадьбы отец жениха привозил в дом невесты сундук для приданого, в котором будущая свекровь послала сарафан, кокошник и рыбные пироги. Позднее вместо кокошника клали моршень (головной убор). Сарафан надевали на невесту. В нем она ехала в дом жениха, где с нее сарафан снимала свекровь. После расплетения косы свахи надевали на девушку кокошник или моршень, и с этих пор невеста считалась женщиной. Кокошник или моршень становились ее повседневными головными уборами. Накануне свадьбы невеста готовила пояса, которые да-

рила ближайшим родственникам.

На обычных ткацких станках язьвинцы ткали не только пестрядь, но и сложные браные узоры, которыми украшали женские рубахи, полотенца. Опытные женщины ткали узоры по памяти.

Пояса плели на руках, ткали на нескольких квадратных досечках - "табочках" или при помощи "бердечка". В них преобладала яркая расцветка; орнамент поясов чаще всего был геометрическим. Каждый узор имел свое название. Путем сочетания небольшого числа орнаментальных мотивов составлялись сложные узоры.

Местные мастера занимались набойкой холста. По синему фону наносились белые и желтые геометрические и растительные узоры. Сохранившиеся сарафаны-дубасы из набойного холста свидетельствуют о высоком уровне художественной работы.

Высокого уровня у язьвинских пермяков достигло искусство обработки дерева - доступного и дешевого материала. Скульптурно обрабатывались корыта, ковши, чашки, солонки, ложки и т. п. Из бересты и корней делали туеса, пестери, крошни, пастушьи трубы, кузова, солоницы. Прялки и детали ткацкого станка украшались резным орнаментом.

Повседневное питание длительное время основывалось на продуктах собственного приготовления. Очень были приняты пельмени и рыбные пироги. Хлеб в русской печи на поду пекли двух видов - ковриги и ярушники. Значительное место в пищевом рационе занимали растительные блюда. Из напитков наибольшее предпочтение отдавалось квасу и браге. Достаток в семьях определялся молочными продуктами. Наравне с мясом домашних животных употребляли дичь, однако медвежатину и зайчатину не ели. Разнообразием отличалась пища к праздникам и семейным обрядам. До сих пор пожилые люди сохраняют приверженность к традиционной пище и старым способам ее приготовления.

БЕЛОВАНИЯ

Христианство к язьвинским пермякам проникло в XVI веке. В то время территория их проживания входила в Губдорский погост со своей церковью. Позднее церковь появилась в д. Язьва - будущее село Нижняя Язьва. К 1703 году деревянная церковь уже существовала в центре вновь образованного Верх-Язьвинского погоста. В 1833-1877 годы ее заменили каменной, которая в перестроенном виде сохранилась на территории мастерских с. Верх-Язьва. С конца XVIII века пермяки верховец Язьвы обращаются в старую православную веру - старообрядчество.

Сегодня духовным центром язьвинских пермяков является д. Ванькова (до конца 1930-х годов называлась Скуиб, переименована

в честь земляка Е. Т. Банькова, награжденного еще до войны боевыми орденами).

Здесь, в деревянной Никольской церкви, находится кафедра Преосвященного епископа Леонтия Пермского (старообрядческого беглопсковское согласие). Церковь освящена в 1924 году (прежде здесь был молитвенный дом, построенный крестьянином Ф. Е. Паршаковым). Царские врата иконостаса привезены из закрытого молитвенного дома д. Пудьва. В 1970-е - 1980-е годы здание церкви подвергалось реконструкции.

Как для язьвинских пермяков, так и для русских, проживавших в округе, святым местом являлся Былом (10). Здесь, в 20 км от д. Пудьвы, жил когда-то инок Игнатий с братией. 5 июня - день его памяти - ежегодно собиралось до сотни человек на панихиду. Вода ручья, выбегавшего из-под могилы Игнатия, считалась чудодейственной; ее уносили с собой и использовали для лечения. Последний раз молились здесь в середине 1930-х годов. Потом лес вырубил, и сейчас это место отыскать никто не может.

Наряду с этим до настоящего времени в быту язьвинских пермяков сохранились многочисленные остатки дохристианских верований, связанные с проявлением нечистой силы. Наиболее значимыми были духи, живущие в лесу и воде. До сих пор рассказывают о лешем как о хозяине леса, о его проказах и шутках. В одном из преданий он даже соперничает с главным богатырем язьвинцев - Пелей-охотником (см. ниже). Водяного называли шулейкиным. Верили, что во время святок он выходит из воды, ездит со своей семьей на лошадях и развлекается; считалось, что он мог забрать хорошего ребенка и подложить плохого. Домового называли суседком, считая его хозяином дома, семьи. Он обитает в голбце (подполье). Существовал обычай угощать домового хлебом, пирогами, чтобы он зашишал жилище от всех бед.

Переплетение языческих верований с православием наблюдается во многих обычаях и обрядах, но особенно в свадебных и похоронных.

ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

На святки, по воспоминаньям язьвинцев, обязательно рядились медведем, козой, стариками, старухами, мужики - женщинами, женщины - мужиками. Маски делали из бересты, в зубах держали кусок красной ткани. Ряженые ходили по домам, пели, плясали, разыгрывали сценки.

Молодежь по избам устраивала посиделки, которые назывались вечерками. Сначала девушки пряли, обменивались новостями, а как только появлялись парни, начинались развлечения. Играли в "жмурки", "ладошки", "канфуз", "номера". Для игры в жмурки шарельщику (водяшему) завязывали глаза, заставляли покружиться

на одном месте, а затем кого-нибудь поймать и угадать имя. В игре "ладошки" шарельщик сгибался в поясе и выставлял ладони ниже пояса. Присутствующие ударяли по ладоням, а шарельщик угадывал имя. Чье имя угадывал, тот вставал на место шарельщика. Для игры "номерами" девушки раздавали парням свои платки и выходили в сени. Ребята успевали платки передать друг другу, а девушки, войдя в избу, стискивали свои платки. Когда выяснялось, что платок девушки находится у другого парня, ей приходилось его выкупать: петь, плясать, целовать парня. В святки играли с огнем. Зажженную лучину передавали друг другу. У кого в руках она гасла, у того, считалось, произошел канфуз. Над ним спешили посмеяться, сказать что-то необычное. Кто сердился, того задирали еще больше.

В масленице готовились заранее: строили катушки, ремонтировали санки, пекли печенье в виде зверей и птиц. По воспоминаниям А. Л. Антипиной (1910 г. р.), в д. Баниной "катались по угорам, особенно весело в последнее воскресенье Масленицы. Скатывались на солому. На ней валялись. Оттуда поднимались в деревню с песнями. Парни целовали девушек, а иногда их на себе несли в гору". Считалось, что благодаря всему этому обеспечилось в жизни благополучие.

На Пасху строили качели, у которых и собирались. Устраивали игрища, водили хороводы, если к этому времени стаявал снег.

Больше всего играли в Троицу и Петров день. На Троицкой неделе девушки ходили в лес завивать березки и загадывать желание. На лугу или поляне играли "кругон". По кругу ходили до тех пор, пока кто-нибудь его не разрывал, после чего девушка на одном из концов останавливалась, а остальные обвивали ее и пели песню: "Во поле, во полюшке березонька стояла, стояла, качалась, к земле наклонялась...", после чего крайняя девушка сталкивала круг. Все к общему удовольствию падали. Играли на лугу и в "плетень". Девушки с пением шли парами друг за другом, при этом задние пары проходили в образовавшемся коридоре между впереди стоящими и становились первыми. И так до тех пор, пока не обходили весь луг.

Часто играли в бабки, пряталки, шарик, чижик и др.

Особое место среди праздников занимала "Встреча Сарчика". Этот праздник берет свои истоки в языческих временах и был известен многим народам Севера и Сибири. Смысл его в том, чтобы выразить радость прилетевшей весной первой птице и определить по ее поведению погоду и урожай будущего лета. Вместе с тем обряд носил закликательный смысл: птицу необходимо было задобрить, чтобы она принесла и обеспечила благополучие в жизни.

Язьвинские пермяки приурочивали обряд к Николину дню весеннему (22 мая по новому стилю) и к прилету трясогузки. Во многих местах праздник назывался "Плишка", "Встреча Плишки". У язьвинских пермяков же трясогузку называли "Сарчиком" (в других местах Урала подобное название не известно).

Старожилы вспоминают: "В молодые годы, когда я была де-вушкой, ходила с подружками на праздник "Встречи Сарчика", ко-торый проводился ежегодно на третий день Николи. Бывало чело-век до 30, девушек и ребят. Из деревни выходили под сумерки (вечером) и там, на облюбованной лужайке, проводили праздник. По исстари заведенному порядку собиралась молодежь, бабы и мужики. Из дому идем сразу партией, предварительно сго-воримся. Придя на место, в первую очередь раскладываем костер. Ребята принесут дрова, бересто, для сидения колодники. Они и разожгут костер, вокруг которого садимся кружком. Потом подаем пиво. Сначала я всем подаю, после меня рядом сидящая подружка подает всем, после третья и т. д., пока вся очередь не пройдет. Каждая, подающая пиво, остатки сливает в один туюсок. В голове шумит, начинается пляска, тряска, гармошка, песни всякие раз-ные. Костер горит, ребята подкладывают дрова, чтоб светло бы-ло. Перед тем, как идти домой, выкапываем ямку палкой. Из каж-дого туюска сливаем по капле в ямку со словами: "Напоили до пьяна, скоронили сарчика". Зароем ямку, притопчем с прип-ляской, да еще попляшем и с песнями все до дому идем. Возвра-щаемся уже поздно, к полночи. Когда на празднике раздуримся, то один другого сталкиваем под угор и пустые туюски пинаем но-гами, тут тоже получается смех и веселье". (11)

"Возле костра сидели кружочком, песни пели, пиво пили по кругу, подавали его те, кто приносил. Тут же плясали под гар-мошку, кругом играли, песни "летние" пели, прыгали через костер. После веселья расходились по домам. На поле ходили ве-чером. Года три назад еще раз собирались "ловить сарчика". Го-ворили: "Вот сарчик прилетит и толстой ногой лед на реке пере-ломит". Были приметы: сарчик низко летит, значит лен короткий будет, а если высоко - лен будет длинным. К Николину дню сар-чик обязательно прилетал". (12)

Остатки пива плескали на землю и говорили: "Это сарчи-ку". Если он прилетит, то скоро будет тепло". (13)

"Если сарчик летал низко, то должна быть сухая погода, а если высоко - дождливая. Плишка-сарчик прилетает вперед скворцов". (14)

А очевидец праздника в 1929 г. в д. Немзя описывал его так: " На окраине деревни, около гумен собралась молодежь чест-вовать сарчика-плишку. Вокруг поляны лежит снег, вдаль видне-ется лес. Посередине поляны вбили заостренный вверх кол. На него приладили соломенное чучело сарчика. В стороне развели костер. Сели вокруг костра и угошали друг друга пивом. Когда туюски опустели, девушки пошли водить хоровод вокруг кола и чучела сарчика. Заиграл гармонист, и в хоровод пошли парни. Затем начались пляски. Кружась вокруг кола, девушки то и дело смотрят на чучело птицы и на парней. Затем начинаются веселые разговоры и смех.

Одна девушка выходит из круга и направляется к гумну, в руках у нее печеные яйца. Она залезает на крышу, снимает с яи-чек скорлупу, разламывает их на части и раскладывает вдоль по

коньку крыши. Раскладывает для того, чтоб прилетевший сарчик их поел и остался летовать, чтоб принес хорошую погоду и урожайный год. Эта девушка слазит с гумна и возвращается в коровод.

Закончив хоровод, начинают разные игры, ведутся веселые разговоры. Веселье затихает под вечер. Парни и девушки с гармошкой идут по деревне, расходятся по домам. "(15)

Разнообразные обрядовые действия были связаны с жилищем. Смысл их заключался в том, чтобы защититься от вредных сил и обеспечить себе благополучную жизнь. Новый дом никогда не ставился на том месте, где проходили дороги, потому что считалось, что на них-то и "витала разная нечисть". Место переднего угла выбиралось по гаданию: хозяин будущего дома брал каравай хлеба, становился лицом на северную (темную) сторону и бросал его через голову. Где каравай ложился, там и вставляли в землю деревце. Передний угол язьвинцы называли "ен угол" (ен - Бог). Жилому дому приносилась жертва. Под нижние венцы сруба переднего угла и в пазы матицы клали монеты и шерсть. Жить в новый дом переходили по особому ритуалу, вечером. Первым заходил хозяин с иконой и петухом или кошкой, потом хозяйка с квашенкой и углями, за ними остальные члены семьи. Сначала молились, а потом топили печь и пекли хлеб. В новый дом обязательно приглашался домовый. Для этого брали помело в старой избе и говорили: "Пойдем, суседушко домовый, жить на новое место". Волокли помело с домовым. В новой избе спускали помело в голбед (подвал). Он там и жил. Его любили, кормили, никогда не обижали. Некоторые говорят, что его видели. Он казался маленьким, бойким, всегда занятым. Если с ним плохо обращаться, то домовый может мстить и даже задушить. (16)

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ, ПЕСНИ

Богатырь Пеля и леший

Жили некогда два богатыря - Полюд и Пеля. Каждый из них жил в громадных камнях. Первый обитал в камне его же имени - Полюде, а другой в Кваркуше, (по другим версиям в Колчимском и Помяненном). Камни эти росли вместе с богатырями. Богатыри помогали русским царям в войнах с неверными народами. Промышляли охотой. Особенно удачливым был охотник Пеля. Захотел его русский царь наградить за великие услуги. Призвал перед свои светлые очи. "Ну, Пеля, много ты мне помог в битвах с неверными народами, и хочю я тебя наградить. Проси, что пожелаешь, серебра ли, золота ли, камней ли самоцветных, всего дам". "Не

надо мне, надежда царь", - отвечает ему Пеля, - "ни золота, ни серебра, ни камня самоцветных. Куда я с ними в лесу деваюсь! А дай ты мне, государь-батюшко, шелковые тенета, чтобы соболей да куниц я мог ими ловить и чтобы не рвались они". Подарил ему царь шелковые тенета, крепкие, нервучие, и многое множество стал добывать богатырь всякой пушнины. А много больше стрелял он из лука сохатых и медведей.

Не понравилось это лесному и задумал он погубить Пелю. Но как это исполнить? Хоть и силен был лесной, но против Пели ему было трудно устоять. У богатыря одна ступня была семь четвертей! Кинуть за десять верст камень в сто пудов для него было простой забавой... Где уж тут бороться силой, надо пуститься на хитрость. Вот лесной раз и спрашивает у Пели: "Ты, Пеля, как спишь?" Смекнул богатырь, в чем дело, но виду не подал, что проник в хитрый замысел лесного, и добродушно ответил: "Сплю я, так у меня дым изо рта идет. А ты, леший, как спишь?" "Когда я сплю, хвоя с деревьев валится!" - отвечал леший.

После этого разговора как-то бродили они в лесу вместе. Настала ночь, сделали нодью (костер) и легли подле огонька спать. Леший скоро заснул и захрапел так, что хвоя с деревьев посыпалась от этого храпа. Пеля в это время бодрствовал, встал, положил на место, где лежал, бревно и прикрыл его своим шабуром (кафтаном), а около изголовья оставил дымящуюся головешку. Устроив своего двойника, скрылся за большую сосну, ожидая, что произойдет дальше. Леший проснулся, посмотрел туда, где лежал Пеля, и увидел идущий из-под шабура дымок. Решил, что Пеля спит. Леший тихонько поднялся и выстрелил прямо в бревно. В этот момент из-за сосны Пеля пустил в лесного каленую стрелу и убил его наповал.

Долго после этого еще жил Пеля, охотился на зверей и птиц. Но вот начали переводиться на русской земле богатыри, отошла им пора на Вишере и Язьве. Вошли богатыри в свои камни и спрятались там все вместе с сокровищами разными. Тогда же прекратился рост камней, и остались они такими, какими их можно видеть и сейчас. Но богатыри живы, выйдут они, когда зазвучит труба архангела, и предстанут со всеми людьми на страшном суде... (17)

*
* * *

Жили в давние времена два богатыря Полюд и Пеля. Полюд на своей горе, а Пеля на Помянном камне. Держали они здесь заставу богатырскую. Горы, на которых они жили, к Вишере и Язьве подступали. По реке же раньше шел путь в Сибирь, и по ней на чердынские земли часто делали набеги сибирские татары, с которыми потом Ермак воевал. Много тогда народу гибло от этих нашествий.

Однажды пришла на Бишеру несметная сибирская орда. Бьются

богатыри с врагами день, бьются другой, третий... Не убывает вражеская сила. Мечут большие камни с гор - не помогает. Эти камни и по сей день валяются. Рассердился тогда Полюд, топнул по горе ногой. Затряслась земля, лес вокруг повалился, Вишера из берегов вышла... Неприятели с перепугу бросились бежать. Но не тут-то было. Кого деревьями завалило, кто в реке утонул. А кто ушел, тот своим в Сибири наказывал, чтоб войной на Чердынь больше не ходить.

С той поры враг не появлялся в пермской земле. А Полюд после битвы ушел в свою пещеру и спит в подземелье, пока не заслышит топот новых врагов... (18)

Чудской народ

"От дедушки слышала, что на горе, возле устья Сюйба*, жил чудской народ. Чудами его еще звали. Домов у них не было, жили в землянках, вырытых на горе. Ростом были маленькие, одежду носили лохматую. Работали только топором и куштаном**. Стреляли из лука. Не знали серпов. Рожь подтыкали шилом и ломали стебли. Говорили, что чуды старинный народ. Они жили не только у нас, но в других местах на Язьве. Жили до тех пор, пока не появились враги. На помощь чудам пришли русские богатыри. Защищали их долго. Но потом вымерли чуды. Когда ушли глубоко в землю, они сами себя закопали в землянках. Дедушко там находил маленькие топоры, ножи и какие-то медные цепочки". (19)

Вогулы ***

"Раньше этого народа было много в лесах по Язьве и Вишере. Как только стало мало зверей, они ушли в горы и даже за Урал. Я их никогда не видал, но слышал от стариков, что они приезжали на оленях, выменивали меха на холсты и зерно. Иногда уводили отсюда лошадей. Они им нужны были не для езды. Их закаливали к праздникам, чтоб задобрить богов". (20)

* Сюйб - приток р. Язьвы.

** Куштан - мотыга.

*** Вогулы - старое название народа манси.

Антип и Паршак

Были два брата - Антип и Паршак. Обоим хотелось поселиться на горе, на высоком месте. Чтобы выйти из положения, устроили состязание. На берегу р. Язьвы братья выбрали два больших камня (рассказчики и теперь готовы их указать, так как искренне верят в правдивость сказания), лежащих на некотором расстоянии друг от друга, и договорились, что тот, кто перепрыгнет с камня на камень, тот и поселится на горе. Антип перепрыгнул с камня на камень, а Паршак не мог. Так Антип поселился на горе, а Паршак под горой. От них и пошли названия деревень и фамилий - Антипина и Антипины, Паршакова и Паршаковы. (21)

* * *

"От свекра слыхала, что на месте трех деревень - Паршаковой, Антипиной, Арефиной - поселились три брата. Паршак выбрал место так: оставил на зиму при впадении речки Пулт в Язьву кобылу. Оставил ей стог сена и ушел. Весной приходит и видит кобылу живой и с жеребенком. Поэтому и поселился на этом месте. Антипа поселился на горе. От Паршака и Антипы пошли все здешние люди". (22)

Как медведь и волк старика обманули

У старика был лапоть. Пришел он с ним в соседнюю деревню и говорит: "Пустите меня переночевать. Куда положить лапоть?" "Положи на печь", - говорит хозяин. "Нет, я положу его в курятник". Наутро старик встает и говорит: "Где моя курица?" Ему отвечают: "У тебя не было никакой курицы". "Нет, у меня была курица" - возразил старик. Взял старик курицу и уехал.

На следующий вечер старик попал в другую деревню и спрашивает хозяина: "Куда положить мне курицу?". Ему отвечают: "В курятник". Старик возразил: "Нет, я положу ее к овцам". Утром старик встает и спрашивает: "Где моя овца?" А ему ответили: "У тебя же была курица". "Нет, у меня была овца". Старик берет овцу и уезжает.

На следующий вечер старик попал в другую деревню и спрашивает хозяина: "Куда поставить мне овцу?" Ему ответили: "Поставь к моим овцам". Старик говорит: "Нет, я ее поставлю к коровам". Наутро старик встает и спрашивает: "Где моя корова?" Ему отвечают: "У тебя была овца". "Нет, у меня была коро-

ва". Старик взял корову и ушел.

На другой день старик приходит ночевать в новую деревню и спрашивает: "Куда мне поставить корову?" Хозяин предлагает поставить к своим коровам. Старик возразил: "Нет, я ее поставлю с лошадьми". Утром старик спрашивает: "Где моя лошадь?" Ему отвечает хозяин: "У тебя была корова". Старик запряг лошадь и уехал.

По дороге он встречается медведя, и медведь говорит ему: "Подвези меня". Старик отказал медведю. Тогда медведь говорит: "Если ты меня не посадишь, то я съем твою лошадь". Старик посадил медведя и поехал.

Встречают они волка, а тот говорит: "Подвези, старик, меня". Старик отказал ему. На это волк ответил: "Если ты меня не подвезешь, то я съем твою лошадь". Старик посадил на сани волка, но тут от тяжести сломалась оглобля. Старик попросил медведя принести новую оглоблю, но тот отказался. "Тогда ты, волк, принеси новую оглоблю".

Волк пошел и принес елку с ветвями. "Зачем ты принес эту ветвь?" - спрашивает старик. Волк ответил: "Я не знаю, что нужно принести". "Медведь, тогда тебе придется идти за оглоблей", - сказал старик. Медведь пошел и принес пень. Старик захватил и сказал: "Зачем ты принес пень, он не годится".

Пришлось старику самому идти. Медведю и волку наказал охранять лошадь. Как только ушел старик, медведь и волк распоролы брюхо лошади и набили туда соломы, поставили лошадь на место. Пришел старик с оглоблей, запряг лошадь, ударил ее кнутом. Но в этот момент лошадь упала, и старик увидел, что у нее брюхо набито соломой. (23)

Девочка и медведь

Жили старик со старухой. Была у них внучка. Раз пошла внучка с детьми священника в лес собирать ягоды и потерялась. Сидит она на пне и горюет. Приходит к ней медведь и говорит: "Пойдем к нам". Пришли они в дом медведя. Медведь лег спать, а девочку попросил петь колыбельную песенку "Спи, спи, Михаил Иванович". Но девочка пела по-своему: "Черт бы тебя побрал". Медведь заснул, и девочка ушла из дома.

Встречает она петуха. Петух предложил отвезти ее домой. Девочка согласилась. На берегу ручья, где петух остановился попить, проснувшийся медведь догнал петуха, съел его, а девочку унес обратно домой.

Уснул медведь, а девочка ушла.

Встретила девочка барана, и предложил он девочке помочь - унести ее домой. Девочка согласилась. Но у ручья, где они остановились на пути к старикам, медведь догнал их и съел барана. Девочку опять принес домой.

Живет девочка у медведя год и не забывает о стариках и доме. Встречает она коня. Конь пожалел девочку и повез ее к старикам. И когда медведь догнал их у ручья, конь лягнул копытами медведя и убежал с девочкой. Старики очень обрадовались и наградили коня мешком овса. (24)

Толисса*

Жили-были старик да старуха. У них были два сына и дочка Толисса. Старик и старуха умерли. Осталось трое детей: два мальчика и одна девочка Толисса.

Они взяли санки и побежали из дому. Бежали, бежали - стоит осина около дороги, с красными листочками. Один братик залезает на осину. "Я поднимусь и побросаю вам игрушки!" Залез, побросал красные листочки, затем и не слез.

Братик и сестрица положили игрушки на саночки и побежали дальше. Бежали, бежали, близко ли, далеко ли - опять осина стоит у дороги. Опять братик говорит: "Я сюда поднимусь, на осину-то, тебе побросаю игрушки, листочки!" "Не поднимайся! Поднимешься и опять не слезешь!" Взобрался, бросал, бросал игрушки. И второй братик не слез.

Сестренка одна осталась. Затем опять бежит сестренка вперед. Бежала, бежала сестренка, навстречу попалась оборониха (Баба-яга). Оборониха девочку поймала, в пещеру повела, на горячий котел посадила, а на голову горячую плиту надела, а в ноги горячие гвозди вбила, в руки горячие иголки воткнула, в уши горячие серьги засунула, в глаза горячее олово вылила.

Долго ли, не долго ли она там сидела, а братья уж большие выросли и дома живут. Один брат спустился к реке поить лошадей и слышит:

Братья мои, вы, братья мои,
Ничёго вы не знаете.
Я сижу в пещере
На горячем котле,
На голове горячая плита,
На ногах горячие гвозди,
На руках горячие иголки,
В ушах горячие серьги,
В глазах горячее олово.

Брат пришел домой, рассказывает: "Я сегодня слышал голос Толисси!" Брат не верит, говорит: "Откуда ты слышал голос То-

* Толисса - по-видимому, языческое имя.

лисси?" "Правда, правда, слышал!" Другой брат не верит: "Завтра я пойду поить лошадь, не услышу ли".

На другой день вечером второй брат пошел поить лошадь. Он слышит:

Братья мои, вы, братья мои,

Ничего вы не знаете... и т.д. (см. выше)

Пришел он домой и говорит: "Правда, правда, голос Толлисси, слышал тоже". Вот и сказке конец, шука да елец. (25)

Дуда*

Дуда, ты, Дуда!

Где ты, Дуда, была?

В Анчужке** была.

Что там делала?

Пирог рыбный делала.

Для кого пирог?

Я его испекла для Бари.

Куда ты его положила?

На конец полки положила.

Но его там нет.

Его черная собачка уташила.

А где черная собачка?

Убежала в темный лес.

Где же темный лес?

Огнем выгорел.

Где огонь?

Водой потушен.

А где вода?

Божий бык ее выпил.

А где божий бык?

Ножом и топором заколот.

А где топор и нож?

Нож в землю ушел.

А топор в небо поднялся. (26)

В саду

В саду девушка гуляла.

Туда парень приходил.

"Парень мой, парень мой, молодец,

Что редко ходишь?"

* В некоторых вариантах вместо Дуды называют Баня, Петя. Можно предположить, что Дуда является языческим именем.

** Анчужка - название какого-то места.

"Рад бы я ходить,
Нечего дарить.
Бот в Питер я съезжу,
Куплю там подарок.
Дорогой подарок, два подарка:
Ситец да коленкор".
"Коленкор-то очень красив,
Ситец-то линяет.
Как любишь, так люби,
Купи мне золотое колечко.
Если золотое колечко купишь,
Трижды поцелуемся". (27)

*
* * *

За лесом стоит деревня из четырех домов.
Я иду и захожу к любимому.
Я поднимаюсь с водой и смотрю на поле.
Я смотрю на поле, где стоит кедр.
Я вижу кедр, а он очень красивый.
Я думаю: надо ли мне срубить его под корень?
Надо ли рубить его для колоды?
Надо ли мне его раскалывать?
Кому мне поручить сделать скрипку?
Поручить ли мне музыкантам?
Приходят музыканты со всего Пулта*
Кого бы попросить играть на скрипке?
Попросить мне Филлиппа или нет?
Кого мне попросить танцевать?
Попросить мне Ирину или нет?
Кого мне попросить спеть песню?
А петь я буду лучше сама. (28)

Колыбельная

Баю-баю-бай!
Засни да поспи.
Большой расти,
Большой вырастешь,
На работу пойдешь,
Дрова повезешь,
Да и попилишь. (29)

* Пулт - название реки у д. Паршаковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пермь, 1804 г. **с. 75, т. 1**
2. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.
3. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
5. В кн.: Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки". Новосибирск.: Наука, 1992, с.157-162.
6. "Советская этнография", 1929, N 5, с.147-148.
7. Починок - вновь освоенное поселение в 2-3 двора.
8. См. указанную работу В.И.Лыткина, стр.24.
9. См. указанную работу И.Я.Кривошекова, стр. 247-248.
10. Былом - место в глухом лесу, где деревья когда-то повалило ураганом.
11. Э.И.Антипина, 1917 г.р., д.Ванькова.
12. Е.Ф.Паршакова, 1910 г.р., д. Паршакова.
13. А.Т.Антипина, 1912 г.р., д.Ванькова.
14. Е.И.Антипина, 1908 г.р. д.Аксенова.
15. Попов В.И. Записки врача. Архив Чердынского краеведческого музея, N 983, лист 147, А,Б.
16. А.Ф.Паршаков, 1900 г.р., д. Нижнее Заполье.
17. Впервые записана Н.П.Белдыцким в 1899 г.
18. Варианты легенды записывались много раз.
19. Рассказала Ф.А.Антипина, 1920 г.р., в д. Егорова.
20. А.Ф.Паршаков, 1900 г.р. в д.Нижнее Заполье.
21. Записано В.И.Лыткиным.
22. Рассказала Е.Ф.Паршакова в д.Паршаковой, 1910 г.р.
23. Впервые записана в д.Паршаковой А.Генетцом в 1889 году.
24. Сказка бытует до сих пор, впервые записана А.Генетцом в 1889 году в д.Паршаковой.
25. Записано В.И.Лыткиным в д.Гришиной в 1950 г. от А.Н.Южаниновой 1875 г.р. Перевод В.И.Лыткина.
26. Впервые записана в д.Паршаковой А.Генетцом в 1889 г.
27. Записано в д.Титковой в 1950 г. от Ч.И.Ваньковой. Перевод В.И.Лыткина.
28. Перевод А.Генетца.
29. Записано в д.Арефиной в 1949 г. от Е.И.Паршакова. Перевод В.И.Лыткина.

СПИСОК ИЛЛУСТРАЦИИ

- * Жительница деревни Симаковой и
- * язьвинский пермяк в традиционных костюмах.

(СТР. 4-5)

Пермяки за работой :

- * возле ручной мельницы.
- * за плетением пояса.

(СТР. 10-11)

- * за плетением рыбацкой сети.
- * в охотничьем снаряжении.

(СТР. 18-19)

ГЕОРГИИ НИКОЛАЕВИЧ ЧАГИН

ЯЗЬВИНСКИЕ ПЕРМЯКИ
ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ

художник А. Ю. Екубенко
редактор Т. М. Санникова

тираж 1000 экз.